РАНО УТРОМ в чужой постели

Владимир Купрашевич

16+

Владимир Ильич Купрашевич

Рано утром в чужой постели

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23785359
SelfPub; 2021
ISBN 978-5-532-98622-0

Аннотация

Герои коротких историй молодые мужчины, приобретающие опыт в общении с женщинами, который не всегда удачен, но который учит понимать себя, внимательнее ориентироваться в жизненном пространстве, чтобы не ошибаться в своем выборе и не упускать тот решающий момент… Но это удается не всегда.

Содержание

УТРОМ, В ЧУЖОЙ ПОСТЕЛИ 4
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Владимир Купрашевич
Рано утром в чужой постели

УТРОМ, В ЧУЖОЙ ПОСТЕЛИ

Он чувствует себя в какой-то странной невесомости, словно его закупорили в бочку и спустили под откос. Вращающаяся плоскость вот- вот захватит его, разнесет по поверхности. Бочка вероятно железная, поскольку в ушах отдается частый металлический стук…

– Тебе неудобно?

Гулкий стук сразу меняется на шум вагонных колес, и он понимает, что просто заснул.

– Нет, нет, прости, плохо спал прошлую ночь, – бормочет он, уткнувшись в Ленкину шею и только потом понимает, что уж ей-то это известно.

– Может мне пойти на другую полку? – снова шелестит ее голос.

– Нет, мне так хорошо.

Генка переворачивается на спину и, удерживая на груди голову Лены всматривается в темноту служебного купе. Кро-

ме едва различимых стопок белья на верхней полке рассмотреть ничего не удается. Дерматиновая штора, которой задрапировали окно не пропускает даже отблесков огней, лишь в узкую щель под дверью просачивается свет из коридора.

– Душно, правда? – спрашивает Лена уже нормальным голосом.

– Немного, – соглашается он, прижимая ее еще плотнее из опасения, что она решится уйти.

– Я не уйду, если, конечно не войдет бригадир.

– У тебя разве дверь не закрыта на заглушку? – окончательно просыпается он.

– Нет

– Сумасшедшая. Он и в самом деле…

– Ну и пусть…

Он снова обнимает ее, но чувство неловкости не проходит.

– Закрой все-таки,– он ослабляет объятия, и Лена молча поднимается, заворачивается в простынь и садится на противоположную полку, поджав ноги. Глаза его уже привыкли к темноте, и он различает ее очертания. Она похожа на кокон какого-то насекомого. Скорее всего, бабочки. Большой и красивой.

– Иди сюда, – раскаивается он.

– Хочу курить.

Шелестит коробок и от ярко вспыхнувшей спички он прикрывает глаза, а может быть его к этому вынуждает насмеш-

ливый взгляд Лены, ее припухшие от поцелуев губы… Спичка гаснет и по купе растекается мягкий запах сигаретного дыма.

– Спи спокойно, заглушка закрыта, – лишь затем сооб-ща-ет Лена.

Он не отвечает.

– А ты что, действительно женат?

– Трудно сказать…

– А у меня есть дочь.

– Вот как… И муж?

Лена смеется.

– Нет, зачем он мне?

– Не знаю…

Кто-то негромко стучит в дверь, после паузы щелкает замок, в купе сразу становится светлее и он слышит голос Нины, второй проводницы.

– Вы что это? Уже поссорились?

– Да вот… боится бригадира.

– Быть не может, – смеется Нина, – такую девицу окрутил за ночь и испугается бригадира… Я пришла за одеялом. . В дежурке стало прохладно.

Она вытаскивает из стопки белья желтое одеяло и уходит, закрыв за собой дверь. В купе снова становится темно и первое время Лену не разглядеть.

– Возьми меня замуж, – неожиданно слышится ему.

Несколько секунд он молчит.

– Ты серьезно?

– Почти…

За окном очень вовремя просвистывает встречный ло-комотив, видимо одиночный, затем снова восстанавливается прежний приглушенный фон идущего поезда.

– Что же ты молчишь?

– Пытаюсь понять, сколько юмора в твоем предложении.

– Эх ты, математик! – слышит он у самого уха и чувствует ее ладони на своих щеках.

Он закрывает ей рот своими губами, но ненадолго.

– Где ты еще найдешь такую бабенку! – шелестит ее голос и Лена выпрямляется.

Он протягивает руки, чтобы стянуть с нее простынь, но кокон сам распадается и руки его скользят по обнаженному шелковистому телу, которое он видит отчетливо и видение это перехватывает дыхание. Ему кажется, что никогда еще в этой жизни ни одно женское тело не создавало такого умопомрачительного эффекта. Девчонка, явно не без умысла тянется, словно собираясь заглянуть на верхнюю полку и он уже не владея собой обхватывает ее, тычется лицом в живот, бедра, губами касается жестковатого островка, отчего Ленка коротко вскрикивает и опускается к нему…

Когда она освобождается от его объятий, предложение больше не повторяется, а он уже о нем и не помнит. Она молча укладывается на противоположной полке.

Он безуспешно пытается собраться с мыслями, чтобы как-

то нейтрализовать ситуацию.

– Лен…Ну ты что?!…

Ленка вдруг хмыкает.

– Вспомнила анекдот. Хочешь, расскажу?

– Валяй.

Анекдот оказывается настолько безобразным, что он на некоторое время теряет дар речи. Лена, в ответ на его растерянное молчание хохочет, затем неожиданно замолкает.

– Ну хватит! Давай спать, – психует он.

Слышно, как мимо шелестит какой-то полустанок, затем, вдруг с разбойничьим свистом ураганом налетает встречный состав. Дерматиновая штора под напором вихря вздувается парусом и купе заполняется свежей прохладой. Торопливый грохот колес сотрясает вагон и начинает казаться, что он не удержится на рельсах, но рев обрывается прежде, чем напряжение успевает оформиться в панический страх. Когда чувство опасности исчезает, возникает необъяснимое разочарование от того, что ничего не произошло. Он еще долго лежит с открытыми глазами, пытаясь отвлечься мелодией поезда…

Утром, еще не проснувшись, он слышит негромкие голоса и шум шагов. Его окончательно будит яркий свет – кто-то поднял шторку.

– Вставай, влюбленный. Хватит спать, – звенит голос Нины.

Он открывает глаза. В купе кроме них никого нет. Ночное, уютное купе трудно узнать. При дневном свете видно,

что вагон не новый, вероятно после капитального ремонта. Желтая краска на обшивке наложена тонким слоем и местами просвечивает старое покрытие серого цвета. Приподнятая шторка на окне из коричневого кожзаменителя прошита небрежным швом и почему-то белыми нитками.

Несмотря на приток свежего воздуха в купе еще чувствуется запах разложившегося табачного дыма. Вероятно Ленка выкурила не одну сигарету.

Она появляется бесшумно и внезапно. На ней служебная форма, с явно укороченной юбкой. Не взглянув на него принимается что-то разыскивать на полке. Отыскав ключи пытается выйти, но он ловит ее за руку и усаживает рядом. Он рассеянно целует его в щеку, отводит удерживающие ее руки и уходит.

– Умывайся, я скоро приду, – слышит он уже из коридора.

Вернувшись из туалета он вешает полотенце на место несколько минут провожает взглядом заоконные пейзажи, затем, уже одетый, заваливается спиной на постель и принимается рассматривать потолок из белого пластика. Наверное единственный фрагмент, не подвергшийся варварской реконструкции. Думать ни о чем не хочется. Он ловит себя на том, что все время после ухода Лены прислушивается к шагам в коридоре. Он закрывает глаза, пытаясь уснуть но это ему не удается. В поездах почему-то высыпаешься раньше, чем в обычных условиях. Читать в вагоне ему не нравится, да и нечего. Сходить в ресторан? Наверное еще закрыт… Лена

появляется только через час, когда Генка уже перестал прислушиваться к шагам в коридоре.

– Много было работы. Кипятила чай. Нинка разносит. Могу принести и тебе.

Вместо ответа он тянет к ней руки, но она отстраняет их и садится по другую сторону столика.

Минуты две оба смотрят в окно на бесконечный хоровод деревьев, словно давно не видели заоконных пейзажей.

– Почему ты развелась с мужем, – неожиданно для себя спрашивает он.

Она косится на него.

– Я не из тех, кто по своей воле выходит замуж, а потом разводится…

Лена говорит так убежденно, что вызывает невольную улыбку у Генки.

– Что смешного?! – не понимает Лена.

– Да ничего. Так говоришь, будто это пожизненное обязательство.

– А разве нет?! – ершится Ленка. – Если решение добровольное. Грех разрушать семью.

Генка смотрит на нее с усмешкой.

– Ты в какую церковь ходишь?

Ленка смотрит на него озадаченно.

– Да ни в какую! Разве чтобы во что-то верить надо ходить куда-то. Просто я считаю, что человека для жизни надо выбирать только один раз.

– Да-а?! А если ошибешься?

– Ну это ты уж сам виноват.

– Ну, предположим, ошибся, виноват, и так и маяться всю жизнь, без всякой надежды?

– А тебя никто не принуждал.

– Жесть…, – ухмыляется Генка и переводит взгляд в окно, но ненадолго.

– А с твоим-то, что случилось?

Лена в свою очередь что-то высматривает за стеклом и отвечает не сразу.

– Разбился на мотоцикле… Сейчас много гибнет на дорогах.

Геннадий не знает, как реагировать на ее сообщение, но Ленка вдруг поворачивает к нему лицо и смеется.

– Но это было в далеком прошлом.

– Как именно далеком? – уже не отстает Генка.

– В другой жизни… Расскажи лучше, где ты отдыхал?

Генка явно недоволен поворотом темы, но помолчав отвечает.

– В Черногории.

– Красивая страна, – не дает ему возможности вернуться к прежней теме Ленка.

– Ты там была? – косится он.

– Нет. Видела в клубе кинопутешествий. У меня цветной телевизор последней марки. Вообще у меня все высший класс.

– Перестань трепаться…

– А что? Молоденькая, незамужняя женщина с прекрасной квартирой в центре, отдельным санузлом и дочкой-умницей лет пяти разве не в цене?… Ладно, я пошла на уборку.

Несколько минут он сидит в одиночестве продолжая рассматривать пролетающие мимо ярко- рыжие березовые рощи, с редкими красными рябинами, и случайными отчаянно-зелеными елями. Все это на фоне стерильно-синего небосклона. Буйствующая красками обреченность. Внезапно появляющиеся размашистые поля с ползающей по ним сельхозтехникой лишь немного придают оптимизма заупокойной осенней красе…

Геннадий поднимается и тоже выходит из купе. В окнах коридора те же пейзажи. Желтые, оранжевые и красные пятна всюду выступают веселыми мазками, вызывая своей глупой радостью жалость и досаду.

Солнечные лучи заливают весь вагон и в коридоре душно от их тепла как в разгар лета. Хорошо бы подойти к единственному открывающемуся окну, но оно занято молодым офицериком. Курит. Впрочем, сигарета у него догорает и стоит немного подождать. Вскоре он выбрасывает окурок в окно, плюет туда же и собирается уйти, но спотыкается о швабру, которой ему перегородила путь неизвестно откуда появившаяся Ленка.

Тот с удовольствием вступает в игру. Они о чем-то треплются – различить слова на расстоянии трудно. Ленка, су-

дя по гримасам отчаянно кокетничает. Жалкая потаскушка! Геннадий отворачивается к окну.

– А ты не женат случайно? – кричит потерявшая всякую совесть проводница.

– Нет. Не успел.

– Тогда приходи.

Он слышит хлопок дверью и смех Нины.

– Он что, действительно собирается прийти?

– Пусть приходит. Может подарит значок отличника боевой подготовки. Я их коллекционирую, – слышит он совсем рядом голос Ленки и чувствует, как швабра чиркает его по ботинку.

– А, это ты…,– голос невыразительный, словно прочитала строку из газеты.

Скорее всего, она и взгляд не отрывала от швабры.

Геннадий молча выходит в тамбур и останавливается у двери. Стекло на двери грязное, да и желания всматриваться в знакомые пейзажи не возникает желания. Зато высказать дрянной девчонке все, что он о ней думает и выйти на первой же попав-шейся станции хочется нестерпимо. Но ради чего?! И ради кого?! Следовало бы потребовать у проводников место в пассажирском купе, но заводить об этом разговор уже нелепо, скоро конечная, да и свободного места найти уже невозможно, а то, что отмечено в билете он уступил пожилой женщине из общего вагона, правда, по Ленкиной же инициативе. Взамен она устроила его в служебном – с чего

все и началось. Он вовсе не рассчитывал сблизиться с нею и, каким образом все произошло – уже не понять. Когда он вошел в вагон со своим чемоданом с красочными наклейками югославских отелей Ленка несколько секунд рассматривала его, затем, не спросив билета, вдруг захлопнула дверь служебки перед его носом. И все-таки уже тогда она понравилась ему. И, видимо, больше чем следовало, иначе с чего все эти расстройства по поводу ее вытанцовываний перед первым попавшимся засранцем в форме. Да и черт с ней!…

Хлопает дверь и слышится знакомое шуршание швабры. Затем шелест прерывается. Геннадий чувствует ее спиной и поворачивается. Грешница в позе раскаяния. Он поднимает ее лицо за подбородок и с удивлением видит в ее глазах слезы. Коротко блеснув глазами Лена отворачивается.

– Ну, что ты…, – бормочет он и притягивает ее к себе.

Она отталкивается, вынимает из нагрудного кармана платок и вытирает слезы.

– Я плакала от смеха. Вспомнила еще один анекдот. Хочешь …

– Перестань, Лена! – обрывает он.

Она шмыгает носом.

Генка снова обнимает ее в тот момент, когда она пытается уйти.

– Ты забыла дать мне свой адрес.

Откинувшись, она снисходительно усмехается.

– Да-а! Не может быть… А зачем?.

– Ну, я может быть приеду к тебе.

– Может быть… А зачем?

Геннадий не находится с ответом.

– Если ты о чем-то переживаешь, то напрасно, ничего не случится, я уже…в положении.

Геннадий мычит в растерянности, потом глупо спрашивает.

– Как?

– Как обычно.

Он невольно взглядывает на ее живот.

– Что-то не видно…

– Так только три дня прошло…, – глаза ее насмешливо колючие.

Геннадию кажется, что глупее он никогда себя не чувствовал.

– Вот это анекдот и есть…, коротко смеется Лена.

Она поворачивается, но Геннадий ловит ее за руку.

– Ты забыла дать мне свой адрес, – повторяет он

Лена вглядывается в его лицо, затем молча вынимает из нагрудного кармана авторучку и блокнотик. Пишет уверенно и быстро. Вырывает листок и протягивает ему. Словно квитанцию на оплату штрафа.

– А теперь иди в служебку. Через час приезжаем, – распоряжается она и уходит.

Геннадий невольно взглядывает в дверное окно. Поезд мчится на полной скорости, но иллюзии свободного поле-

та уже не создается. Стальная колея цепко держит состав в строго заданном направлении. Появляются первые строения пригорода

– Приплыли! – бормочет Геннадий.

Выйдя из питерской электрички Геннадий не сразу узнает свою местность. Все кажется чужим. Вокзал, который перед отъездом выглядел образцовым сейчас словно, век не ремонтировался и почему-то меньше размером. Пришлепнутая штукатурка уже местами вспучилась и полиняла, платформа словно съежилась и почернела…Еще неделя-другая и все здесь будет выглядеть страшнее, чем до реконструкции. Ремонт изначально следовало произвести бульдозером. Памятник прошлого века… Зачем мы держимся за прошлое, оно нас никогда и ничему не учит…Нужна ли нам память вообще? Разве на том уровне, чтобы вспомнить имя женщины, что лежит рядом, и то, зачем? Лежит себе и лежит. Если рядом, значит твоя. Геннадий встряхивает головой, понимает что бредит, но убедить себя, что он дома, что совсем недавно все здесь было родным и близким не получается, подъемные краны вызывают чувство неустроенности, высокие дома давят, низкие оставляют ощущение пустоты…

Он проходит вглубь сквера к водоразборной колонке и нажав ручку погружается всем лицом в тугую струю ледяной воды…

На свой этаж он поднимается пешком, с минуту топчется

у двери, толкает ее и попадает в прихожую. День открытых дверей, – приходит ему в голову, но мысль не вызывает никаких эмоций. Жена стоит на пороге ванной комнаты с какой-то тряпкой в руках. Геннадий всматривается в ее лицо, видит ресницы с расплывшейся от влаги краской, веснушки на носу просвечивающие сквозь тонкий слой тонального крема, губы, которые сейчас даже не дрогнули в улыбке но которые, в первый год приоткрывались в алый, влажный цветок. Крапинки веснушек терялись на лице розовеющем от глупостей, которые он ей плел…Эти, сегодня ничего не выражающие глаза были распахнутыми настежь окнами, в которые он кидался очертя голову, думая что в рай…

– А это ты?! – придя в себя, тянет она, отводит растерянный взгляд и возвращается к своему стиральному агрегату.

– Да, это я, – уже в пустое пространство отвечает Геннадий, проходит в комнату, усаживается в кресло и устало протягивает ноги, словно весь путь от Черногории прошел пешком. Через пару минут появляется жена. Несмотря на более солидный возраст ее внешность немного уступает Ленке, все еще выразительная грудь, стройные ноги… Он искоса оглядывает ее фигуру, пытается вызвать в себе какие-то эмоции, хотя бы малое тяготение… и не может.

– Привез мне что-нибудь?

– Все, что ты просила.

Жена сама вскрывает чемодан, вынимает пакеты с разной вся-чиной.

– Спасибо. Я тебе что-нибудь должна?

– В долгу всегда я, – ухмыляется Генка, отходит к окну, отодвигает штору, за которой ему кажется шум поезда, но вместо живой дорожной картинки перед ним застывшая газосветовая реклама изображающая парусник на стене кинотеатра. Совсем недавно разноцветный каскад ее излучений заливал сквер, теперь же жалкие останки трубок едва мерцают, а серебряный корпус корабля выкрашен в черный цвет. Уличное освещение не достает до сквера и из полумрака его закоулков то и дело раздаются вопли, то ли дебилов, то ли их жертв. Недостатка в идиотах нет – через дорогу виднеются сооружения детского садика, где подрастает достойная смена…

– Иди, поищи что-нибудь в холодильнике, мне некогда. Стираю, – бормочет жена, продолжая копаться в коробках и пакетах.

Геннадий молча уходит на кухню, ставит на газовую плиту чай-ник и устраивается за столом. Ему кажется, что он редко видел кухню в таком образцовом порядке. На окнах настиранные и накрахмаленные шторы топорщатся, словно новые. А может они новые и есть… Посуда, в стеклянном шкафу сверкает чистотой. Портит впечатление от наведенного порядка лишь сетка с бутылками из-под шампанского, которую видно из-за приоткрытой дверцы крайней секции под раковиной. Он зачем-то пытается прочесть на этикетках названия, но надписи видны лишь частично… Откуда-то тя-

нет холодом, вероятно не плотно прикрыто окно. Геннадий прикрывает глаза и ему кажется, что он слышит перестук колес…

– Галина! _ зовет он жену, еще не осознав задуманного.

– Ну что?! – недовольным тоном спрашивает она, появляясь в дверном проеме.

Оглянув мельком кухню Галина спохватывается, боком проходит к раковине и повернувшись к мужу лицом пытается ногой прикрыть предательскую дверцу. Ему потуги жены не интересны. Он выдвигает к ней свободный табурет.

– Сядь, пожалуйста.

– Мне некогда. Я стираю, – пытается уйти от разговора она.

– Мне надо с тобой поговорить…

– Ну что, нельзя в другое время, – слегка бледнеет она но на табурет садится.

– Помнишь, три месяца назад здесь, на этой кухне ты мне вдохновенно объясняла, что мы чужие люди и непонятно зачем живем вместе.

Галина напряженно смотрит на него и лицо ее еще больше бледнеет.

– Я все это время думал над твоими словами и понял, что ты права…

– И все?! – не выдерживает Галина и порывается подняться.

– Нет. Я люблю другую женщину.

Последняя фраза выскальзывает как-будто случайно, но долгая пауза не оставляет сомнения, что это не слуховые галлюцинации. Галина уставившись на него вдруг краснеет, поднимается, садится снова. Несколько секунд сидит молча, затем хихикает и уходит в ванную, под свисток паровоза. Геннадий провожает ее растерянным взглядом, затем поднимается, выключает газовую горелку и свисток смолкает. Еще с минуту он пытается понять, хочет ли он чаю, но так ничего и не поняв поворачивается к выходу. В Двери входит Галина. Лицо ее неестественно спокойное, волосы аккуратно уложены.

– Я рада за тебя, – слышит он.

В Москву поезд прибыл ранним утром. Здесь же на вокзале Геннадий находит справочное бюро. Женщина в окошке отставляет свой стакан с чаем, принимает заказ и советует заглянуть минут через пятнадцать. Он выходит на привокзальную площадь, еще мокрую от поливалки, несколько минут бессмысленно рассматривает немногочисленных прохожих, затем отправляется в буфет, но когда очередь к прилавку подходит не может вспомнить, что собирался заказать. Снова выходит на площадь. Солнце только что где-то скрывавшееся уже светит вовсю, но ветер холодный. Относительную тишину неожиданно прерывает накатывающий гомон и площадь от вокзала до проезжей части в несколько секунд заполняется разношерстной публикой – видимо по-

дошло сразу несколько электричек. Геннадий смотри на часы. Пора к справочному. Дежурная молча, без комментариев подает ему информационный листок и он отходит в сторону, где сначала рассматривает театральные афиши на соседнем киоске и лишь затем разворачивает бумажку. Не сразу понимает короткую резолюцию «В Москве улицы с таким названием нет». Чего-то подобного он подсознательно и ожидал. Девчонка со своими заскоками так и должна была поступить. «Финита ля комедия!» цедит он, аккуратно вырывает из своей записной книжки листок с фальшивым адресом Ленки и вместе с квитанцией справочного швыряет в первую попавшуюся урну.

Из громкоговорителей он слышит объявление о посадке на Питер и отправляется на перрон. Пока вагоны ползут мимо, он невольно вглядывается в женские лица проводниц и понимает, что никуда не поедет. Он проходит по перрону от локомотива до последнего вагона, возвращается обратно и ловит себя на том, что продолжает искать знакомое лицо в толпах пассажиров. От джинсов, чемоданов, портфелей начинает рябить в глазах, зато он уже точно знает, что ему делать. Он помнит ее фамилию, рейс, которым они прибыли в Москву, остается найти предприятие, где она числится.

Диспетчерская, куда его направила дежурная по вокзалу, оказалась в соседнем здании, но обнаружить там живую душу, которая могла бы помочь Геннадию удается не сразу. Отдел кадров в отгуле, а постоянные телефонные звонки не да-

ют возможности дежурной вникнуть в суть дела все, что она успевает сообщить это то, что график работы проводников вывешен в коридоре. Если известна фамилия, узнать, когда и каким рейсов отъезжает разыскиваемая не составит труда…

Список бригад оказывается не один. Обследовав несколько стендов он, наконец, находит ее фамилию, номер рейса, направление, время отъезда – это завтра. Маршрут на Мурманск. Другой информации нет, и Геннадий пересекает цепочку залов в обратной последовательности.

В зале ожидания он находит свободное место с плохо обдуманной решимостью покинуть его только утром, когда мурманский состав подадут к перрону. Однако уже через десять минут его начинает терзать мысль о выброшенном адресе – может быть название улицы можно было разгадать – у Ленки почерк куринолапый… Возможно есть похожее название… Промучившись некоторое время он отправляется на поиски урны, в которую был выброшен листок. Он знает, что чудес не бывает, что за минувшее время мусор вывезен неоднократно. Урну он находит, но, конечно же, пустую…

Место в зале ожидания уже занято, и Геннадий выходит на перрон. Уже рано темнеет – лето позади. Еще пара недель и потянется вереница дождей, потом заморозки поглотят останки былых радостей минувшего лета, которые скукожатся и исчезнут в архивах памяти среди множества других захоронений, отдающих тленом… Ему начинает казаться, что он никогда не найдет свою проводницу. Конечно это от уста-

лости. Следует поужинать, но заставить себя, скорее всего не получится…

Несколько часов удается убить прогулками по улицам города, рассматриванием витрин, бессмысленным посещением гостиниц, в которых с момента ввода в эксплуатацию мест нет…Кинофильм, в соседнем кинотеатре ему не нравится, не содержанием, а потому, что он не успевает на нем выспаться. Дремота эта больше похожа на обморочное состояние. Искусство в таком состоянии воспринимается с трудом.

У вокзала его окликает женщина пенсионного возраста, присматривается к нему оценивающе и предлагает комнату на ночь. Недорого. Недалеко. Можно с горничной, но это по отдельному тарифу. Вступительный взнос – «маленькая» водочки… Горничная – ее племянница, работает проводницей, но денег не хватает, надо дочь содержать, маленькая еще, а за садик бывает и платить нечем…Они там регулярно медосмотры проходят, все чисто…

– Как звать то? – замирает Генка.

– Кого? Меня?

– Племянницу.

– Ритой. А зачем тебе?

Генка отрицательно мотает головой.

– Ну ты че?! Имя что ли не понравилось? – кричит ему вслед тетка.

В зале ожидания вокзала он с трудом находит уголок на жесткой скамье среди чемоданов и покачивающихся в дреме

измученных тел. Спать на вокзалах Геннадию приходилось и ранее, потому он без особых усилий отключается от монотонных сетований тех, кто еще не угомонился, от ошарашивающего грома репродукторов.

Под утро его будят чьи-то выразительные ругательства. Пьяный инвалид с опухшей физиономией выражает неудовольствие в нерасторопности молоденькой девушке, помогающей ему надеть пальто из дорогой, но замызганной ткани, которое велико ему размера на два. Старому пьянице кажется, что помощница не слишком почтительна с ним. Девчонка молча поддерживает пальто, пока тот попадает в рукав. Застегнув болтающиеся полы старина направляется по загроможденным проходам, спотыкаясь через каждый шаг и каждый раз выговаривая владельцу ног или чемодана. Его положение облегчается тем, что в столь ранний час трудно найти любителя поскандалить – многие просто не открывают глаза…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.